

Всё уже было решено, но Тао Сяодун не стал сразу сообщать об этом двум младшим. Они уж слишком способны на шалости. Тао Хуайнань обычно дурачится по мелочам, просто болтает ерунду, и если его игнорировать, он сам успокоится. Чи Чэн же почти никогда не шалит, но если уж начинает, то готов небо продырявить, и от этого голова кругом идёт.

Первым не выдержал Тао Хуайнань.

Он понимал, что брат, скорее всего, не оставит их без внимания, но, поскольку тот ни словом не обмолвился об этом, в душе у него закралось сомнение. Самому ему было всё равно, в какую школу идти, но для Чи Чэна это было важно.

— Брат... — Тао Хуайнань взял яблоко и поднялся на четвёртый этаж, где Тао Сяодун проводил занятия. В мастерской сейчас было много татуировщиков, приехавших учиться, и в последнее время народу стало больше.

Тао Сяодун как раз убирался и, увидев его, спросил:

— Что-то нужно?

— Яблоко, — Тао Хуайнань подошёл ближе.

На столе стояла подставка, один угол которой торчал наружу. Если бы Тао Сяодун вовремя не остановил его, Тао Хуайнань, сделав ещё шаг, мог бы напороться животом.

— Руки грязные, пока не буду, — сказал Тао Сяодун.

Тао Хуайнань поднёс яблоко к его рту:

— Тогда я подержу, а ты откусишь. Мои руки чистые, я только что помыл.

Тао Сяодун откусил кусочек, но и без слов было понятно, что у парня есть какая-то просьба. Он намеренно не стал продолжать разговор, и Тао Хуайнань тоже принялся есть яблоко, сев рядом и ожидая.

Тао Сяодун съел всего три кусочка, а остальное доел сам Тао Хуайнань.

Обгрызая яблоко до самой сердцевины, он встал и тихо спустился вниз. Тао Сяодун посмотрел ему вслед, но ничего не сказал.

Но через некоторое время Тао Хуайнань снова поднялся наверх, держа в одной руке яблоко, а другой опираясь на перила. Подойдя, он снова протянул яблоко к губам брата:

— Брат, давай продолжим есть яблоко.

Тао Сяодун наконец не выдержал. Этот парень был одновременно и странным, и забавным, и на него просто невозможно было сердиться.

— Я не буду, — строго посмотрел на него Тао Сяодун. — Если есть что сказать, говори.

— Ну съешь немного, — настаивал Тао Хуайнань, снова поднося яблоко. — Съешь.

Тао Сяодун сначала не смог сдержать улыбку и откусил ещё кусочек.

Тао Хуайнань легонько тронул его за рукав и снова позвал:

— Брат...

— Говори, если есть дело, — Тао Сяодун продолжал жевать яблоко.

Тогда Тао Хуайнань тихо спросил:

— Куда мы пойдём учиться...

— Не знаю, — Тао Сяодун продолжал возиться с тату-машинкой. — Кто вас разберёт.

— Не говори «не знай», — Тао Хуайнань схватил брата за локоть и потряс, затем толкнул его плечом в спину. — Не бросай детей, иначе они пропадут. Ты старший брат, а мы младшие, мы ещё маленькие, только и знаем, что досаждать.

— Ох, не надо, — усмехнулся Тао Сяодун. — Вы тут все старшие, а я младший.

Тао Хуайнань поспешил сказать:

— Нет, нет, я младший, вы все ради меня стараетесь, всё из-за меня, я просто источник проблем.

Если Чи Чэн извинялся и успокаивал с трудом, то Тао Хуайнань делал это легко. Он обнял Тао Сяодуна сзади за шею, прижавшись лицом к его плечу:

— Это всё я виноват, вам из-за меня тяжело, если бы не я, всем было бы легче.

Он начал с того, что просто хотел извиниться и подбодрить брата, но слова задели за живое. Тао Хуайнань прекрасно понимал, что из-за него и брату, и Чи Чэну приходится много трудиться. Брат не мог этого слышать, он просто шутил, но эти слова ранили.

Тао Сяодун похлопал его по спине:

— Пошёл вон! Не прикидывайся тут хорошим, яблоком мне воротник испачкал.

Тао Хуайнань засмеялся и не отпустил брата, продолжая обнимать его и дурачиться.

Тао Сяодун не мог устоять перед его натиском. Он уже и так не так сильно сердился, и в конце концов взвалил парня на плечи, спустился вниз и бросил его рядом с Чи Чэном. В руках у Тао Хуайнань всё ещё оставалась половинка яблока.

— Присмотри за своим братом, держись от меня подальше, — сказал Тао Сяодун Чи Чэну.

— Ладно, — Чи Чэн снял с головы Тао Хуайнань шапку. — Я не дам ему надоедать.

— Надоедать другим можно, только не мне, — сказал Тао Сяодун. — Если ещё раз поднимешься наверх, я тебя сброшу.

Тао Хуайнань, которого вышвырнули обратно, не злился и не расстраивался. Он сел и продолжил есть яблоко, громко хрустя.

Он хорошо знал брата, и его поведение явно означало, что тот всё уже решил. Теперь и Тао Хуайнань был спокоен, главное, чтобы брат не бросил Чи Чэна.

Брат в последнее время был занят, так как в мастерской начались курсы для учеников, и ему

приходилось каждый день вовремя приходиться на работу.

Он ходил в мастерскую каждый день, а двое младших — нет. Когда они оставались дома, то смотрели телевизор, читали книги и учились. Старшая школа была намного сложнее средней, и Чи Чэн уже начал заранее заниматься с Тао Хуайнанем.

В последнее время часто шли дожди, и не просто дожди, а ливни, которые обрушивались с грохотом, сопровождаемые глухими раскатами грома.

В такую погоду Тао Хуайнань чувствовал себя не очень хорошо, он не любил дождь. Слепые очень чувствительны к звукам, они обычно полагаются на слух, а в дождь слишком много посторонних шумов. Звук капель, непрерывно барабаниющих по окнам и крыше, и внезапные раскаты грома — всё это вызывало у них раздражение. Это раздражение было физиологическим, вызванным постоянным слуховым дискомфортом. В такую погоду Тао Хуайнань чувствовал себя некомфортно, и каждый раз, когда гремел гром, он вздрагивал.

В этот день снова шёл сильный дождь. Тао Хуайнань лежал на боку, укрывшись одеялом, и слушал музыку в наушниках. Чи Чэн сидел рядом и читал книгу. Наушники не могли полностью заглушить звуки снаружи, и Тао Хуайнань, закрыв глаза, пытался заснуть.

Снаружи сверкнула яркая молния, и Чи Чэн протянул руку, чтобы прикрыть уши Тао Хуайнаня.

Когда он протянул руку, Тао Хуайнань понял, что сейчас будет гром. Он положил свою руку на тыльную сторону руки Чи Чэна, и они вместе прикрыли уши.

Когда гром стих, Чи Чэн, прежде чем убрать руку, погладил его по голове и сказал:

— Поспи немного.

Тао Хуайнань снял наушники, перевернулся и повернулся лицом к Чи Чэну:

— Не могу уснуть.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Чи Чэн, глядя на него. — Может, поешь арбуз? Ложкой?

Тао Хуайнань покачал головой. В последнее время из-за постоянных дождей он чувствовал себя не очень хорошо. Он подвинулся ближе к Чи Чэну, обнял его за живот и прижался лицом к его боку.

Чи Чэн держал книгу в правой руке, а левой прикрыл ухо Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань спокойно полежал так некоторое время, медленно и глубоко дыша.

Самым приятным звуком в этой обстановке был шелест страниц книги, который перелистывал Чи Чэн. Это звучало успокаивающе.

В комнате работал кондиционер, и Чи Чэн, решив, что тот уснул, убрал руку и натянул тонкое одеяло, прикрыв уши Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань сначала не шевелился, как будто действительно спал.

Чи Чэн продолжал сидеть рядом, время от времени перелистывая страницу.

Тело Чи Чэна было тёплым, создавая приятный контраст с прохладой от кондиционера. Тао

Хуайнань держался за край его пижамы, сохраняя удобное положение, и даже пальцы не хотел шевелить.

Пока Чи Чэн не отложил книгу и не собрался встать с кровати.

Тао Хуайнань издал звук, похожий на стон, и, как будто рефлекторно, крепче обнял Чи Чэна, не позволяя ему уйти.

— Ты не спишь? — опустил взгляд Чи Чэн.

Тао Хуайнань не открывал глаза, только мягко спросил:

— Куда ты идёшь...

— Возьму пульт, он на подоконнике, — похлопал его Чи Чэн. — От кондиционера слишком холодно.

— А... — Тао Хуайнань отпустил его, но как только Чи Чэн вернулся, снова обнял.

Чи Чэн больше не брал книгу и тоже лёг.

Тао Хуайнань положил голову на левую грудь Чи Чэна, и тот естественным образом снова прикрыл его ухо.

Теперь Тао Хуайнань был защищён от половины внешних шумов, а под ухом он слышал ровное и сильное сердцебиение Чи Чэна, что звучало успокаивающе и придавало сил.

— Не тяжело? — тихо спросил Тао Хуайнань.

— Нет, спи, — ответил Чи Чэн.

— Оказывается, сердцебиение такое приятное, — с лёгкой улыбкой сказал Тао Хуайнань, закрыв глаза, и слегка потёрся ухом о грудь Чи Чэна. — Я чувствую себя в безопасности.

С этого дня Тао Хуайнань стал одержим слушанием сердцебиения Чи Чэна.

Каждый раз, когда на улице шёл дождь, он прижимал ухо к левой груди Чи Чэна, мягкие волосы и ухо слегка касались его, а другое ухо было прикрыто, и казалось, что весь мир теперь состоял только из сердцебиения Чи Чэна.

Нежные и ровные удары сердца доносились до ушей, и это чувство было завораживающим.

<http://bllate.org/book/16228/1458305>